

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Четвергъ, 14-го Августа 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12215.

P. P. PIUS X.

Папа Пій X

(† 6 августа).

Французский посол въ Петербургѣ

Морисъ Палеслогъ,

раньше начальникъ политического отдѣла французского министерства иностранныхъ дѣлъ. Одинъ изъ столповъ франко-русского союза. Вмѣстѣ съ С. Д. Сазоновымъ усиленно стремился къ предотвращенію разиншагося обще-европейскаго пожара.

„НАСЛѢДНИКИ ТЕТУШКИ“.

Новелла К. Простпера

Съ итальянскаго.

Его звали Этторэ, ее — Маріанну. Онъ былъ блондинъ съ голубыми глазами, а она — брюнетка, и ея глаза были черны, какъ... Ну, скажемъ, какъ черные бриллианты.

Съ тѣхъ поръ, какъ Этторэ и Нанина себя помнили, они были обязаны дважды въ мѣсяцъ навѣщать богатую тетку Софонизбу Гардгулли, жившую въ собственномъ домѣ, вмѣстѣ съ старою мегерообразною служанкою Эльвирою.

Съ тѣхъ поръ, какъ они себя помнили, они должны были регулярно приносить „тетушкѣ Софонизбѣ“ маленькие подарки; у старухи была какая-то болѣзньенная страсть къ эгимъ маленькимъ подаркамъ, своеобразная манія. И при этомъ она никогда не была довольно полученнымъ, принимала подарки съ кислою миною, презрительно улыбалась. И говорила колкости.

— Ну, да! — ворчала она, глядя на букетикъ фіалокъ, принесенныхъ Маріанниной. — Я такъ и знала! И кому нужны твои фіалки? Даромъ только деньги швыряете! Должно быть, много ихъ у васъ?! Вотъ, Этторэ, — тотъ поумнѣе. Онъ мнѣ принесъ на прошлой недѣлѣ фунтъ отличного винограду. А твои фіалки-коровамъ что ли отдать?

А когда приходилъ черезъ недѣлю Этторэ и приносилъ коробочку сущеныхъ сливы, та же тетушка Софонизба твердила:

— Не могъ ничего умнѣе выдумать?! Очень мнѣ нужны слизы?! Отъ нихъ, кроме разстройства желудка — никакого удовольствія. Твоя двоюродная сестра догадливѣе: въ прошлый разъ принесла

мнѣ фіалочекъ... По крайней мѣрѣ, три дня въ спальнѣ хорошо пахло.

На слѣдующій разъ Маріаннин приносилъ что нибудь изъ съѣдобнаго, а Этторэ — цветы. И старуха опять пилила, сверлила и за цветы, и за съѣдобное...

Сто разъ и Этторэ, и Маріаннин скрежетомъ зубовнымъ давали себѣ зарокъ — не показываться больше къ проклятой сварливой старухѣ, избавиться отъ вѣчнаго униженія, отъ этихъ попрековъ, за которыми скрывалось нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ недовольство полученными сливами или грушами: Софонизба была богата, бездѣтна, безродна. Прямыхъ наследниковъ у нея не было.

Ея имущество было нажито не ею, а ея мужемъ, роднымъ дядею Этторэ и Маріанниной. По справедливости, это имущество по смерти старухи и должно было перейти въ семью Этторэ и въ семью Маріанниной. А старуха систематически затрагивала этотъ больной вопросъ, явно издѣваясь надъ „наследниками“.

— Ты думаешь, — говорила она Этторэ, — ты думаешь, что я тѣбѣ хоть грошъ оставлю? Да ни за что. Ужъ если оставлять кому-нибудь, такъ Маріаннинѣ. Она — девушка. Гдѣ ей заработать кусокъ хлѣба? Не на службу же идти, прости Господи?! Этого еще не доставало...

А когда приходила Маріаннин, старуха ворчала:

Папа Пій Х въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

Командующій войсками одесского военного округа.

ген.-отъ-артиллеріи Никитинъ.

Сэръ Джорджъ Бьюкенэнъ.

Англійскій посолъ въ Петербургѣ. Одинъ изъ главныхъ сторонниковъ англо-руssкаго сближенія. Вмѣстѣ съ С. Д. Сазоновымъ много работалъ для предотвращенія нынѣшней битвы народовъ.

— Когда умру, Этторэ богатымъ человѣкомъ сдѣлается. А ты — не разсчитывай, голубушка! Потому что, вѣдь, ты — девушка. Ты за какого-нибудь проходимца выскочишь, который моимъ деньгамъ скоро глазки протортъ. Думаешь, — легко ихъ добывать было?

Выслушивая эти язвительныя рѣчи, Этторэ блѣднѣлъ и краснѣлъ. И ему хотѣлось избѣть проклятую старуху.

Выслушивая эти рѣчи, и Маріаннин блѣднѣла и краснѣла. Глотала слезы.

Вернувшись домой, Этторэ говорилъ взволнованно матери:

— Довольно, мама! Я не могу больше! Неужели же ты не понимаешь, какъ это унизительно... И при томъ, вѣдь, кусокъ хлѣба у насъ есть. Вѣдь, мы можемъ прожить и безъ наследства старой вѣдьмы!

— Ну, да! Легко сказать! — возражала та. — Дѣвѣsti пятьдесятъ тысячъ лиръ на улицѣ не валяются. Да ты просто не обращай вниманія на ея воркотню... Поворчить, — и уймется...

Когда Маріаннин съ опухшими отъ слезъ глазами возвращалась домой, ее встрѣчали вопрошающіе взоры старика отца и безчисленныхъ сестеръ.

— Опять вышла исторія? — допытывалась сестренка Нора.

— Не пойду, ни за что не пойду больше! — стономъ вырывалось изъ груди девушки. — Боже, какое униженіе!

Отецъ хмурился, вздыхалъ, дрожащими руками набивалъ табакомъ свою трубку и потомъ говорилъ:

— Конечно, она совсѣмъ спятила, эта старая дура. Да, вѣроятно, еще и эта... какъ ее тамъ зовутъ. Ну, ея наперсница... Подзуживаетъ... Интригуетъ... Но что подѣлаешь? Съ нашими средствами...

И черезъ двѣ недѣли Этторэ сновашелъ къ теткѣ, и черезъ двѣ недѣли Маріаннин, скрѣпя сердце, бѣжалъ къ той же теткѣ.

Такъ длилось лѣтъ семь, восемь. И... и ни единаго разу Этторэ и Маріаннин не встрѣтились другъ съ другомъ, не знали другъ друга: ихъ семьи давнѣмъ давно разошлись, и чуть ли и въ этомъ не была виногата та же тетка Софонизба, у которой имѣлась страсть — страв-

Адмиралъ Буа-де-Лапейреръ,
главнокомандующий морскихъ силъ Франціи.

Лордъ Робертъ,
фельдмаршалъ англійской арміи.

ливать людей, заставлять ихъ ненавидѣть другъ друга.

Этторэ бываль у Софонизбы первого и пятнадцатаго числа каждого мѣсяца, Маріаннина — седьмого и двадцать первого.

Этторэ относился къ Маріаннинѣ совершенно равнодушно. Онъ зналъ, что Маріаннина существуетъ, онъ находилъ слѣды ея визитовъ къ Софонизбѣ, то въ видѣ стоявшихъ на запыленной мраморной доскѣ камина цвѣтовъ, то въ

видѣ какой-нибудь женской работы. Но по временамъ ему казалось, что Маріаннина вовсе нѣтъ, что ее выдумала старая карга. Маріаннина относилась къ Этторэ съ неутолимою ненавистью. Не за то ненавидѣла она его, что ему, по ея мнѣнію, должно было достаться проклятое наслѣдство Софонизбы, отравившее Маріаннинѣ жизнь, но за то, что на каждомъ шагу тетка, какъ говоритъ, тыкала ей въ глаза достоинствами Этторэ, превозносила его умъ, манеры, характеръ, трудолюбіе, способности и благовоспитанность.

И, вотъ, какъ-то весною они встрѣтились въ приемной Софонизбы. Этторэ собирался уѣхать на три недѣли изъ города въ деревню и потому зашелъ ровно на недѣлю раньше, не сообразивъ, что это — день визитъ Маріаннинѣ. Имъ пришлось познакомиться. Оба нѣсколько недовѣрчиво наблюдали другъ друга, а старуха со злой улыбкою наблюдала ихъ обоихъ.

— Что это ты притащилъ сегодня, Этторэ? — освѣдомилась она. — Пирожныя? Да ты, милый мой, уморить меня, отравить меня, что ли хочешь?

И потомъ, обратившись къ забившейся въ уголъ дѣвушкѣ, освѣдомилась:

— А ты, кажется, опять съ цвѣтами? Я такъ и знала! Да еще выбрала палевыя розы, отъ которыхъ псинаю воняетъ. Ну, матушка, можно быть глупою, но не до такой степени!..

И эти упреки были тѣмъ обиднѣе для бѣдной дѣвушки, что ей казалось: этотъ противный кузенъ сидѣтъ и иронически улыбается.

— Противный! Противный! — беззвучно шептала дѣвушка побѣлѣвшими устами. — Ни за что, ни за что больше не приду сюда!

А старуха изливалась въ жалобахъ на свои болѣзни, на дурную погоду, на сосѣдей, нарочно будто бы изводящихъ ее стуками въ стѣны, потолокъ и полъ, на какую-то кошку, мяукающую по ночамъ подъ окнами, на весь міръ.

— Хоть бы умереть поскорѣе! — ворчала она. — И то боюсь: если не потоплюсь естественною смертью помереть, — отравить меня кто-нибудь изъ милыхъ родственниковъ. Вѣдь, теперь такое времѧ... Знаю я людей! Теперь такое время, что даже самый честный и тотъ десять человѣкъ изъ-за гроша удавить готовъ...

Темнолицая служанка, какъ нетопырь, сновала по комнатѣ и глядѣла злыми глазами на гостей, и почему-то дулась...

Когда визитъ кончился, Маріаннина поднялась, чтобы уходить, Этторэ поспѣшилъ въ прихожую и подалъ ей ея жакетку, ея зонтикъ:

— Кузина! вымолвилъ онъ. Намъ давно слѣдовало бы познакомиться. Не знаю, какъ это выходило раньше, что мы не встрѣчались другъ съ другомъ.

И онъ проводилъ ее вплоть до станціи электрическаго трамвая, посадилъ. И, уѣзжая, она украдкою глядѣла на кузена. И почему-то прошептала, стиснувъ зубы:

— И, все-таки, — онъ противный!

Еще два или три раза имъ пришлось, конечно, совершенно случайно, встрѣтиться у тетки Софонизбы. Потомъ... потомъ пришлось встрѣтиться уже на ея похоронахъ и въ конторѣ нотаріуса.

Старая вѣдьма-таки отправилась на тотъ свѣтъ: ее постигъ ударъ. Разволновалась изъ за того, что подъ дверью мяукалъ голодный котенокъ, пошла выгонять, задохнулась отъ гнѣва. Упала на полъ въ коридорѣ, умерла,

Когда нотаріусъ прочелъ оставленное

Вице-адмиралъ сэръ Джонъ Джелико,
главнокомандующий морскихъ силъ Англіи.

Ричардъ Бертонъ Хольденъ,
англійскій военный министръ.

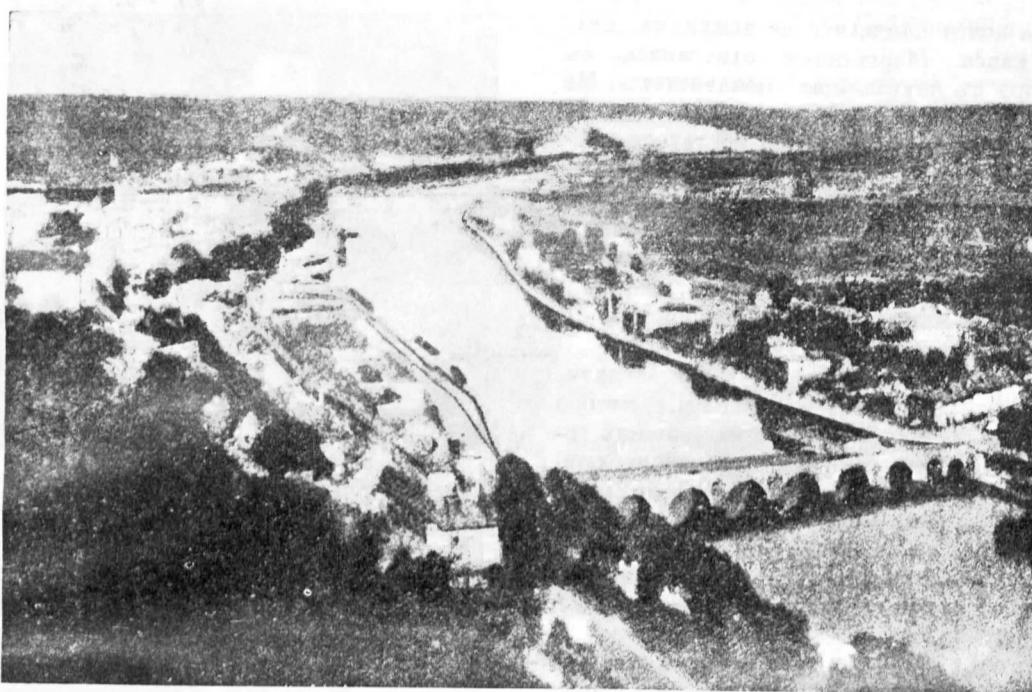
старою вѣдьмою духовное завѣщаніе, оказалось, что въ пользу Этторэ она оставила свою библіотеку, сплошь состоящую изъ душеспасительныхъ брошюръ.

— Дабы мой племянникъ черпалъ изъ нихъ правила нравственности и благочестія! — стояла приписка въ завѣщаніи.

— Теперь ему не придется тратиться на покупку какихъ-нибудь легкомысленныхъ свѣтскихъ романовъ.

Маріаннинѣ оставлялось тоненькое золотое колечко съ искусственнымъ рубиномъ, стоимостью въ девять лиръ, и пара грошевыхъ вазочекъ. Сто тысячъ — «вѣрной и неподкупной моей служанкѣ и моему преданному другу Эльвирѣ», и все остальное... все остальное — на пріютъ для сиротъ мессинского землетрясенія,

Прослушавъ духовное завѣщаніе, Этторэ усмѣхнулся, щелкнулъ пальцами.

Намюръ. Общий видъ.

Принцъ Ааге датскій,
внукъ покойнаго Христіана IX, племянникъ
вдовствующей английской королевы Александры,
лейтенантъ гвардіи, арестованный 25-го
июля въ Германи, по подозрѣнию въ
«шпіонажѣ».

— И отлично! — вымолвилъ онъ. — По крайней мѣрѣ, все кончилось!

Вернувшуюся отъ нотаріуса домой Маріанну затормошили вопросами.

Ея сестры осыпали ругательствами покойную скрягу, твердя, что она ограбила ихъ всѣхъ. Отецъ хватался за голову и стоналъ. А Маріанна... Маріанна почему-то ликовала. Словно кто смахнулъ съ ея лица ставшее привычнымъ угнетенное и встревоженное выражение. Глаза снова заблистили, на устахъ появилась милая улыбка.

Однако, черезъ нѣсколько дней Маріанна почему-то стала грустить. Чѣмъ ближе подходилъ день, когда она прежде должна была дѣлать обязательный визитъ къ теткѣ Софонизбѣ, тѣмъ замѣтнѣе портилось ея настроеніе, тѣмъ печальнѣе становился ея взоръ.

— Что съ тобою? допытывались ея

сестры. Ужъ не оплакиваешь ли ты тетушку?

— Вотъ еще?! раздражалась дѣвушка.

— Просто — мнѣ не по себѣ. Вотъ и все.

И вотъ, пришелъ день двадцать первого числа. Съ утра тревожное настроеніе овладѣло дѣвушкою. Она, какъ говорится, мнѣста себѣ найти не могла. Бралась и за то, и за другое дѣло, но работа вываливалась изъ ея рукъ.

Раздался звонокъ. Въ приемной послышались голоса. Дѣвушка встрепенулась, чуть покраснѣла,

— Противный! — пробормотала она. — Чего ему нужно? Кажется, теперь могъ бы оставить меня въ покоѣ...

— Маріанна! — съ визгомъ вбѣжала Нора. — Знаешь, кто къ намъ пожаловалъ? Можешь себѣ представить? Онъ... Тотъ самый кузенъ Этторэ, который... Онъ спрашиваетъ тебя, Маріанну. Понимаешь?

Маріанна вышла въ приемную. Какъ-то само собою вышло такъ, что ей пришлось остаться тамъ наединѣ съ кузеномъ. И какъ-то само собою вышло, что...

— Мама! — взвизгнула подглядывавшая въ щелку Нора, — кажется тетя Софонизба завѣщала ихъ... другъ другу: они цѣлюются...

Намѣстникъ Эльзаса ф.-Редернъ.

Менг А. И. Барбье,

офицеръ запаса французской арміи, призванный изъ Харькова на войну. Военный корреспондентъ «Южнаго Края» съ французского театра военныхъ дѣйствий

Льежъ. Общий видъ.